

югославским патрулем, да так обнимались, что отняли у него винтовку. Вооружившись, пошли дальше, под угрозой винтовки, разоружили другой патруль. Югославы пожаловались в советскую комендатуру, оттуда прикатил майор на мотоцикле, но на все его уговоры «не дурить» и сдать оружие, эти двое отвечали выстрелами. Майор уехал, через двадцать минут из комендатуры прибыл взвод из двадцати человек. Поднялась стрельба. Все это происходило буквально под нашими окнами в скверике. Двое в нижнем белье лежали слева, за кустарником, на асфальте, а бойцы из комендатуры залегли справа, за кустарником скверика. Через десять минут все было кончено. С обеих сторон раздалось по паре выстрелов. Один из двух был убит, а второй удрал в свою палату и спрятал, как рассказывали, винтовку под кровать. Было очень стыдно за такое русское свинство.

Вскоре после дня Победы вдруг по госпиталю разнеслась весть: «Тито приехал!». Все раненые, кроме лежачих, выбежали на площадь и близлежащие улицы. Все стояли и смотрели вверх, на балкон двухэтажного дома. Потом кто-то в толпе начал скандировать громко: «Тито – Сталин!» Его подхватили многие голоса: «Москва – Белград!» и снова «Тито – Сталин!»

Имел ли Тито намерение выступать, и по каким делам он приехал в Суботицу – не знаю. Но мощный хор голосов нескольких тысяч раненых из шести госпиталей заставили маршала – он был в военной форме – выйти на балкон и экспромтом сказать речь.

Он говорил о совместной борьбе, о победе. Говорил по сербо-хорватски, но нам было всё понятно, ведь язык – то родственный, а закончил речь по-русски здравицей в честь нерушимой дружбы, скрепленной совместно пролитой кровью, что вызвало гром аплодисментов и рёв восторга и снова крики «Москва – Белград!», «Тито –